13 глава: Смерть Ариэль Равенстейн

На следующий день Аттикус сидел на своей кровати и медитировал. Едва сместив фокус, он расширил свои ощущения, захватывая окружающую ману, пронизывающую воздух.

Впитывая ману, Аттикус чувствовал, как она ниспадает по его существу подобно нежному водопаду, мерцающему потоку, который резонировал с сутью мира. Когда мана текла внутри него, он начал ею управлять, направляя в свое ядро маны. Через некоторое время он открыл глаза и тихо вздохнул.

"Ничего не изменилось. Я годами тренируюсь, но ничего не знаю о системе сил этого мира" - размышлял Аттикус. "Мама сказала, что позволит мне начать тренироваться, когда мне исполнится шесть. Сейчас я могу только продолжать поглощать ману"

Накануне Аттикус упомянул, что хочет научиться драться после ужина. Анастасия, разумеется, яростно воспротивилась, заявив, что Аттикус слишком молод. Тогда Аттикус выкатил свое тайное оружие — свою симпатичную мордашку. Однако даже восхитительное выражение лица не смогло поколебать Анастасию.

После нескольких минут непрестанных просьб Аттикуса Фрейя и Авалон вмешались, поддержав его просьбу. Понадобилось некоторое время, но Анастасия неохотно согласилась разрешить ему начать обучение, когда ему исполнится шесть лет.

— Эта женщина такая чрезмерно заботливая, черт возьми! — раздраженно произнес Аттикус. — Можно подумать, в мире, раздираемом войнами и смертью, родители хотели бы, чтобы их дети рано учились драться и защищать себя. Я должен набраться терпения. Пока я буду поглощать ману, а в следующем году сосредоточусь на понимании системы сил этого мира и на том, как драться.

Боман целеустремленно прошагал по коридору, ведущему в тренировочную комнату Авалона. Его шаги были быстрыми и решительными, чувство срочности подгоняло его движения. Гладкая, металлическая поверхность двери блестела в рассеянном свете; ее дизайн был сочетанием элегантной простоты и передовых технологий.

Когда он приблизился к ней, встроенные в дверь сенсоры распознали его присутствие, и с едва слышным гулом дверь начала бесшумно открываться, являя Авалона посреди напряженной тренировки в окружении потрескивающей лавы. Боман прочистил горло, привлекая его внимание.

«Мастер Авалон, — начал он, в его голосе звучали нотки опасения. — Есть плохие новости».

Авалон открыл глаза, удивленный, увидев здесь Бомана. «Должно быть что-то очень серьезное; он никогда не отвлекает меня во время тренировки». Он отключил стимуляцию и позволил Боману приблизиться к нему.

«Что случилось?» — голос Авалона был тихим и размеренным, но в воздухе витало едва уловимое напряжение.

Боман нервно сглотнул перед тем, как сообщить сокрушительные новости. "Мастер Ариэль... он убит".

Слова Бомана повисли в воздухе, будучи тяжёлыми от всей своей значимости. Когда он рассказал об ужасной и несвоевременной кончине Ариэля, всё вокруг Эвалона покачнулось и

превратилось в сюрреалистическую картину. Звуки шумной жизни особняка, гул отдалённой активности отдалились, словно в бесшумной симфонии, оставляя по себе только пустое эхо.

Взгляд Эвалона встретился с губами Бомана, которые двигались, складывая слова, разлетевшиеся вдребезги в его реальности. Несмотря на движение, сами слова будто растворились в воздухе прежде, чем достигли его ушей. Его охватило оцепенение – панцирь недоверия, который защищал его от всей силы ужасающих новостей.

Почувствовав пропасть, голос Бомана замер в тишине. Его полный сочувствия взгляд столкнулся с отстранённым взглядом Эвалона; он понимал потрясение, охватившее последнего. Боман сделал шаг назад, дав Эвалону пространство для принятия той ужасной правды.

Время словно растянулось для Авалона в тот момент, когда его сознание вступило в схватку с масштабностью этой утраты. Образы Ариэля — его брата, его доверенного лица — вспышками проносились у него в голове. Разделённый смех, битвы, в которых они сражались бок о бок, а теперь… пустота, которую уже ничем не заполнишь.

Наконец, после того, как минул словно целый век, голос сумел проникнуть сквозь туман отупения, сковавшего чувства Авалона. Это был слабый шёпот — его собственный голос, раздробленный и отдалённый.

— Ариэль… погиб?

Звук собственного голоса, казалось, разрушил иллюзию, позволив реальности снова проникнуть внутрь. Мир вновь обрёл свой голос, жизнь в особняке возвращалась в прежнее русло. Сочувствующие глаза Бомана встретились с глазами Авалона, сочувствие к ближнему вырисовывалось на его лице.

Когда в конце концов Боман заговорил, его голос был мягким, словно признавая всю хрупкость этого момента.

— Да.

Грудь Авалона сдавило. Внутри него забурлил коктейль из скорби, гнева и недоверия. Он глубоко и судорожно вдохнул, его руки невольно сжались по бокам.

«Как…?» — голос его дрогнул, выдав переполнявшие его чувства, которые он безуспешно пытался сдержать.

«Следов не оставили, но мы подозреваем Ортодоксальный орден». — ответил Воман.

Авалон стиснул зубы, его первоначальный шок сменился непоколебимой решимостью. Гнев в нем разгорался, разжигая внутренний огонь.

«Ортодоксальный орден», — повторил он, голос его стал тверже. — Они за это заплатят.

«Найди их», — голос Авалона звенел как сталь, приказы его были незыблемы. «используй все что есть в нашем распоряжении. Изолируй все человеческое владение, если понадобиться. Я хочу, чтобы виновные были найдены».

Воман кивнул, решимость его окрепла, когда он усвоил приказ Авалона. «Да, Мастер Авалон. Мы не оставим камня на камне».

Аура Авалона снова запульсировала, воздух наполнился почти осязаемым напряжением. «Удостоверься в этом. Они заплатят за это!».

Когда Воман поспешно удалился выполнять приказ, взгляд Авалона оставался прикованным к горизонту, в его мыслях был водоворот гнева и горя.

http://erolate.com/book/4216/125828